

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 6, pp. 1352–1372, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81-112.4

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1352-1372

К вопросу о чувашских материалах Ф. И. Страленберга

Александр Владиславович Савельев¹

¹ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, научный сотрудник

 0000-0002-8343-2057. E-mail: a.savelyev@iling-ran.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Савельев А. В., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается языковой материал, задокументированный в первом лексикографическом источнике по чувашскому языку — словнике Ф. И. Страленберга (опубликован в приложении к его книге 1730 г., но собран, по-видимому, раньше — в 1711 г.). *Цель* исследования — предложить филологическую интерпретацию данного словника и определить возможности его использования при изучении истории чувашского языка. В чувашеведении материалы Ф. И. Страленберга, как правило, считаются почти не имеющими научной ценности и фактически не интерпретируемыми из-за сильно искаженного характера записей, усугубленного очень небольшим объемом данных. Однако анализ словника Ф. И. Страленберга все же возможен, если рассматривать его не как изолированный памятник, а в более широком контексте материалов того же автора по другим языкам, а также иных старописьменных памятников чувашского языка XVIII в. *Материалы и методы.* В статье показано, что общий объем чувашской лексики, отраженной у Ф. И. Страленберга, составляет 30 слов: 28 непосредственно помещенное в словник марийского языка. К этим данным были применены стандартные методы филологического анализа, направленные на исследование орфографии памятника на фоне других старописьменных чувашских источников, а также на обоснование введения конъектур. *Результаты и выводы.* В рамках филологического комментария предложены соображения текстологического и лингвистического характера, объясняющие облик каждой из чувашских записей Ф. И. Страленберга. Установлено, что почти все трудности в интерпретации данного памятника обусловлены использованием в нем нетривиальных орфографических приемов (находящих, однако, параллели в других образцах ранней документации языков Волго-Уральского региона и Сибири), а также порчей записанных форм в период между первичной документацией и публикацией книги. Благодаря введению конъектур удалось достаточно надежно восстановить фонетические прототипы записанных форм. Это в свою очередь создало почву для попытки диалектной атрибуции чувашского словника Ф. И. Страленберга. Будучи не очень выразительным с точки зрения исторической диалектологии, данный языковой материал может быть в широком смысле охарактеризован как соотносимый с верховым диалектом

чувашского языка. С учетом экстралингвистических свидетельств можно предположить, что словник Ф. И. Страленберга был записан в районе Чебоксар и отражает в таком случае материал одного из говоров на севере верхового ареала.

Ключевые слова: чувашский язык, старочувашские памятники, Филипп Иоганн Табберт фон Страленберг, Герхард Фридрих Миллер, чувашская диалектология, история чувашского языка, Волго-Камский языковой ареал

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Лингвистическая история Чувашско-Марийского Поволжья» (№ 22-28-01924).

Для цитирования: Савельев А. В. К вопросу о чувашских материалах Ф. И. Страленберга. *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 6. С. 1352–1372. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1352-1372

Ph. J. Strahlenberg’s Chuvash Language Materials Revisited

Alexander V. Savelyev¹

¹ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation) Cand. Sc. (Philology), Research Associate

 0000-0002-8343-2057. E-mail: a.savelyev@iling-ran.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Savelyev A. V., 2022

Abstract. Introduction. The paper deals with the linguistic data documented in Ph. J. Strahlenberg’s Chuvash wordlist, which is known to be the earliest lexicographic source on the Chuvash language. The wordlist was published in Ph. J. Strahlenberg’s 1730 book but had been, most likely, collected much earlier, in 1711. **Goals.** The study aims to provide a philological interpretation of Ph. J. Strahlenberg’s wordlist and evaluate its significance for the history of Chuvash. This source has been widely considered to be of little linguistic value and, generally, hardly interpretable because of numerous errors and inconsistencies as well as the brevity of the wordlist. The starting point of this article is the idea that Ph. J. Strahlenberg’s wordlist can still be analyzed if it is taken not as an isolated piece of documentation of Chuvash, but within the broader context of, firstly, Ph. J. Strahlenberg’s materials on other languages of Northern Eurasia and, secondly, other sources on the 18th-century Chuvash language. **Materials and methods.** It is shown that Ph. J. Strahlenberg has documented 30 Chuvash words in total, including 28 words in the Chuvash wordlist proper, 1 word in the main text of his book, and 1 word mistakenly placed in the wordlist of the neighboring Mari language. These materials have been investigated through standard methods of philological analysis, with a main focus on the orthographic peculiarities of the wordlist (considered against the background of other old written Chuvash sources) and on proposing plausible conjectures. **Results.** The paper provides a comprehensive philological account of each item on Ph. J. Strahlenberg’s Chuvash wordlist. It is established that almost all difficulties of interpretation that are traditionally associated with this source are rooted in the use of limitedly known orthographic patterns and, additionally, in the distortion of the recorded forms during the period after the original documentation and before the publication of Ph. J. Strahlenberg’s book. After introducing conjectures into the wordlist, it becomes possible to reconstruct phonetic prototypes of the documented forms. This, in turn, sets the stage for placing Ph. J. Strahlenberg’s materials on the dialectological map of Chuvash. While not particularly specific in terms of historical dialectology, the features characteristic of this variety can be broadly described as Viryal Chuvash. Given the extra-linguistic evidence available, it can be assumed that Ph. J. Strahlenberg’s Chuvash wordlist was recorded in the vicinity of Šupaškar (Cheboksary). Therefore, the attested dialect should probably be classified among the northern varieties of Viryal Chuvash.

Keywords: Chuvash language, old written Chuvash sources, Philipp Johann von Strahlenberg, Gerhard Friedrich Müller, Chuvash dialectology, history of the Chuvash language, Volga-Kama linguistic area

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-28-01924 ‘Linguistic History of the Chuvash-Mari Volga Region’.

For citation: Savelyev A. V. Ph. J. Strahlenberg’s Chuvash Language Materials Revisited. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1352–1372. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1352-1372

Введение

Настоящая статья посвящена интерпретации языкового материала, задокументированного в первом лексикографическом источнике по чувашскому языку. Таковым является словник из приложения к книге «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia», которую опубликовал в 1730 г. в Стокгольме Филипп Иоганн Табберт фон Страленберг (Штраленберг)¹ [Strahlenberg 1730].

Ф. И. Страленберг был офицером на шведской службе и участвовал в Северной войне; после битвы под Полтавой он попал в плен и в 1711 г. был отправлен в ссылку в Тобольск. Многолетнее пребывание в Сибири он посвятил сбору географических, этнографических и исторических материалов и, в частности, участвовал в экспедиционной работе Даниэля Готлиба Мессершмидта. В 1722–1723 гг. Ф. И. Страленберг смог вернуться через Москву и Санкт-Петербург в Швецию и в следующие годы занимался подготовкой к публикации ставшего впоследствии знаменитым труда.

Данные Ф. И. Страленберга, представляющие лингвистический интерес, находятся почти исключительно не в основном тексте его книги, а в прилагаемой к ней таблице «Gentium boreo-orientalium vulgo tatarorum harmonia linguarum», более известной под кратким названием «Harmonia linguarum». В этой таблице даны переводы заданного списка немецких слов на 32 языка. По большей части речь идет о языках Сибири, но

¹ В титуле книги автор указан как *Philipp Johann von Strahlenberg*. В. В. Напольских отмечает, что с точки зрения единообразия подходов к транслитерации корректнее было бы записывать дворянское имя исследователя, имевшего нижненемецкое происхождение, сообразно оригиналу, то есть — «фон Штраленберг» [Напольских 2018: 462]. В настоящей работе отдается предпочтение написанию «Страленберг», прежде всего ввиду глубокой укорененности этого варианта в научной традиции (он устоялся в русскоязычных работах фактически с XVIII в.). Интересные сведения об обстоятельствах получения Ф. И. Таббертом дворянского титула и имени «Страленберг» содержатся в работе [Манастер Рамер, Бондарь 2018: 396].

наряду с этим в приложение были включены словники языков и некоторых других регионов, в частности — Волго-Уральского.

В литературе традиционно обсуждаются две проблемы, связанные с использованием этих словников в лингвистической работе. Первая, — как считается, достаточно невысокое качество опубликованного языкового материала. В некоторой степени это связано с непростой судьбой исходных данных (записанных в путевых условиях военнопленным). Сам Ф. И. Страленберг сообщал, что на обратном пути в Москву он потерял записную книжку, в которой были собраны словники; лишь частично их удалось восстановить благодаря дневниковым записям и другим вспомогательным материалам, и этим обусловлены многочисленные лакуны в таблице [Новлянская 1966: 75; Напольских 2018: 473–474].

Вторая проблема связана с авторством лингвистических материалов, опубликованных в «*Harmonia linguarum*». Как предполагается, Ф. И. Страленберг в значительной степени опирался на материалы, собранные Д. Г. Мессершмидтом, — вероятно, по согласованию с последним [Манастер Рамер, Бондарь 2018: 422]. О. А. Сергеев [Сергеев 2021: 115] полагает, что марийский словник Ф. И. Страленберга почти целиком заимствован у Д. Г. Мессершмидта и лишь немного подправлен в части орфографии. Однако, что касается чувашского словника Ф. И. Страленберга, составляющего основной предмет рассмотрения в настоящей статье, то какие-либо аргументы в пользу его неоригинального характера отсутствуют. Ф. И. Страленберг свидетельствовал, что собирал его самостоятельно, а нередкие искажения в чувашском словнике, выглядящие как ошибки при переписывании, вполне могли появиться при копировании собственных материалов («если копирование происходило в спешке, по памяти, при плохо разборчивом оригинале и т. д.» — см.: [Манастер Рамер, Бондарь 2018: 414–415]). Таким образом, по умолчанию автором чувашского словника следует считать Ф. И. Страленберга. В этом случае встает вопрос: где и когда он мог задокументировать чувашскую лексику?

Применительно к одному из соседей чувашского языка по Волго-Камскому региону — удмуртскому — аналогичный вопрос был исследован В. В. Напольских. Отсылая за деталями к работе [Напольских 2018: 462–478], остановлюсь на тех обстоятельствах, которые столь же существенны и при обсуждении чувашского словника. Что касается хронологии, то Ф. И. Страленберг мог контактировать с носителями языков Среднего Поволжья либо по дороге в Сибирь в 1711 г., либо на обратном пути в 1722–1723 гг. Как убедительно показывает В. В. Напольских, ранняя документация значительно более вероятна, поскольку по дороге из Сибири Ф. И. Страленберг спешил домой и, кроме того, именно в этом путешествии потерял уже собранные словники языков Европейской части России. Не менее важно понять, как выглядел маршрут Ф. И. Страленберга, что позволило бы установить конкретные диалектные ареалы тех языков, с носителями которых он имел дело. В. В. Напольских обратился к дневнику пленного шведского корнета Андерса Пильстрёма, который по крайней мере часть пути в Тобольск — начиная от Хлынова (Вятки) — проделал вместе со Ф. И. Страленбергом. Эти записи позволили реконструировать маршрут колонны пленных, из которого, в частности, следует, что лишь очень небольшой отрезок их пути пролегал по населенной чувашами территории. Выйдя из Нижнего Новгорода, колонна прошла через Козьмодемьянск, в районе которого локализуется северо-западный диалект чувашского языка (представленный ныне только говором пожилых жителей с. Малое Карачкино в Ядринском районе Чувашии, но имевший, по-видимому, значительно более широкое распространение в предыдущие века), после чего пленные добрались до Чебоксар, а затем повернули на север, в сторону Санчурска, и покинули чувашские земли. При этом, как следует из дневника Пильстрёма, в Чебоксарах колонна сделала длительную остановку, и шведы пользовались там относительной свободой, которая предполагала, в том числе, возможность взаимодействия с местным населением. Хотя и нет прямых доказательств того, что Ф. И. Страленберг следовал по чувашским землям в той же колонне, что и Пильстрём, эти свидетельства создают некоторое экстралингвистическое основание для догадок

о месте сбора чувашского словника. Они, однако, требуют проверки собственно лингвистическими методами.

Ввиду исключительно раннего происхождения данные Ф. И. Страленберга неоднократно привлекали внимание исследователей истории чувашского языка. Как правило, именно с этого словника начинаются обзоры памятников старочувашской письменности. Чтения чувашских записей Ф. И. Страленберга приводили, в частности, Б. Мункачи [Munkácsi 1887], В. Г. Егоров [Егоров 1949], Н. П. Петров [Петров 1978], Х. Эрен [Eren 1998], А. П. Хузангай [Хузангай 2003; Хузангай 2011], Л. П. Сергеев [Сергеев 2004], О. Дурмуш [Durmuş 2009; Durmuş 2014]. При этом чувашский словник почти не подвергался серьезному лингвистическому анализу, что связано с утвердившимся в чувашеведении мнением о фактической бесполезности данного источника по причине его сильно искаженного характера (ср. формулировки в [Егоров 1949: 111–112; Hovdhaugen 1975: 274]).

Ценность чувашских материалов Ф. И. Страленберга, действительно, неочевидна в силу не очень понятного, на первый взгляд, соотношения между опубликованными в книге записями и звучащими чувашскими формами, которые мыслимо было бы реконструировать для диалектов начала XVIII в. Усугубляет ситуацию и крайне небольшой объем словника: на таком материале, и правда, сложно найти признаки какой-либо системности в отражении фонетики. Тем не менее это не значит, что попытка интерпретации не должна быть предпринята. Упомянутые препятствия для анализа могут быть преодолены путем введения конкретного памятника в более широкий контекст. Прежде всего, необходимо учитывать особенности словников иных языков, опубликованных в той же таблице «*Harmonia linguarum*». Если чувашский список сближается по признаку авторства по крайней мере с некоторыми другими списками, то было бы ожидаемо найти в них одни и те же особенности документации — будь то общее использование некоторого нетривиального орфографического приема или же единообразные ошибки при копировании исходных материалов.

Кроме того, словник Ф. И. Страленберга должен быть интерпретирован в связи с

другими чувашскими памятниками XVIII в. Возможности для такой интерпретации значительно расширились после начала системной работы по всестороннему анализу старочувашских источников (см.: [Савельев 2014; Савельев 2016; Савельев 2018; Савельев 2021]). Благодаря накопленному корпусу нетривиальных орфограмм и типичных ошибок в записи можно рассчитывать, что и для специфических отражений в словнике Ф. И. Страленберга найдутся близкие параллели. В этом отношении особый интерес представляет сравнение с памятником, более всего приближенным к рассматриваемому словнику в плане используемой системы письма (т. е. латинографичным) и в плане хронологическом. Речь идет о чувашских материалах Герхарда Фридриха Миллера, опубликованных в его сочинении «Nachricht von dreym im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern...» [Müller 1759] и включающих, во-первых, чувашский словник из сравнительной таблицы «Vocabularium Harmonicum», во-вторых, перевод на чувашский язык молитвы «Отче наш» и, в-третьих, некоторые чувашские слова в основном тексте книги. Хотя труд Г. Ф. Миллера был издан в конце 1750-х гг., сами данные были собраны значительно раньше — в 1733 г. Некоторое сходство между чувашскими записями Ф. И. Страленберга и Г. Ф. Миллера в принципе может быть обусловлено общностью традиций документации, близостью документируемого материала и, наконец, прямым заимствованием материалов Ф. И. Страленберга Г. Ф. Миллером. Последнее, впрочем, почти не подтверждается при сравнительном анализе этих памятников, о чем см. ниже. Однако нет сомнений, что Г. Ф. Миллер хорошо был знаком с трудами Ф. И. Страленберга, поскольку последний неоднократно цитируется в «Nachricht...». На фоне записей Г. Ф. Миллера меньшее значение в качестве сравнительного материала имеют более поздние и кириллические в своей основе памятники, такие как «Сочинения...» 1769 г. (первая грамматика чувашского языка) [Сочинения 1769] и Словарь П. С. Палласа 1787–1789 гг. [Паллас 1787; Паллас 1789].

Отказ от практики рассматривать чувашский словник Ф. И. Страленберга как изолированный памятник, можно надеяться

ся, во многих случаях позволит доказать, что вводимые конъектуры являются не единичными (и потому абсолютно спекулятивными), а рекуррентными в корпусе старочувашских источников. Это в свою очередь откроет возможности для достаточно надежной реконструкции фонетических прототипов задокументированных форм, а затем и для попытки диалектной атрибуции словника.

Языковые данные

В литературе элементы чувашского словника Ф. И. Страленберга нередко приводятся в ошибочном виде, что бывает связано с использованием копий его книги, включающих нечеткие места. В первую очередь это касается факсимильного переиздания «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia» (Szedeg, 1975), в котором многие чувашские слова оказались частично или полностью нечитаемыми. Ниже приводятся данные Ф. И. Страленберга, выверенные по сохранившемуся в очень хорошем качестве экземпляру его книги из собрания Национальной библиотеки Чешской Республики, доступному в электронном виде на сайте Google Books¹ [Strahlenberg 1730]. Чувашские данные Г. Ф. Миллера, с которыми сравниваются материалы Ф. И. Страленберга, цитируются по копии, доступной в отличном качестве на объединенном сайте библиотеки Гёттингенского университета и библиотеки Гёттингенской академии наук² [Müller 1759].

Чувашский словник Ф. И. Страленберга, представленный в соответствующем

¹ *Strahlenberg Ph. J. von. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm: In Verlegung des Autoris, 1730. 438 s.* [электронный ресурс] // Google Books. URL: https://www.google.ru/books/edition/Das_Nord_und_Ostliche_Theil_von_Europa_u/fHYs73SNHJMC?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: 10.09.2022).

² *Müller G. F. Nachricht von dreym im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern, den Tschermischen, Tschuwaschen und Wotjaken* [электронный ресурс] // Sammlung Russischer Geschichte. Band III, Stück IV. St. Petersburg: Kaysrl. Academie der Wissenschaften, 1759. 412 s. Göttinger Digitalisierungszentrum (ein Service der SUB Göttingen). URL: gdz.sub.uni-goettingen.de/id/PPN331674602 (дата обращения: 10.09.2022).

щей колонке («CZUWASCHI») таблицы «Harmonia linguarum», содержит 28 слов. Первые 17 из них расположены столбцом на своих местах — как переводы заданных немецких слов (эквиваленты которых даются, по возможности, для всех языков в таблице). Остальные чувашские слова напечатаны на месте незаполненных ячеек поперек основного списка; таким образом, речь идет о некотором дополнительном лексикографическом материале. Именно этот дополнительный список практически не читается в факсимильном издании 1975 г., поэтому с ним большей частью и связаны разногласия между интерпретаторами. Слово <Ohra>¹ (~ чув. *ora* ‘нога’) приводится в основном списке, а затем повторяется в дополнительном.

29-е чувашское слово приводится в основном тексте книги. Отражение основы *Tor(ь)* ‘Бог’ содержится в очень кратком этнографическом описании чувашей [Strahlenberg 1730: 347], а именно в следующем контексте: *Sie opffern ihrem Gott Thor alle erste Geburth von ihren Früchten, sonderlich aber backen sie ein gewisses Brod, welches sie demselben vorsetzen* ‘Они [чувашши] жертвуют своему богу Тору каждый первый урожай своих плодов, а в особенности <примечательны тем, что> пекут определенный род хлеба, который подают ему же [т. е. Тору]’ [Strahlenberg 1730: 347].

Исследователям чувашского словника Ф. И. Страленберга до сих пор не был известен тот факт, что у него задокументировано еще одно, 30-е чувашское слово. Речь идет об эквиваленте немецкого ‘Mutter = мать’: соответствующая ячейка в чувашском словнике не заполнена, при этом в марийском («черемисском») словнике, приведенном в той же таблице, дается перевод <Annæ>. Марийскому языку такое слово незнакомо, зато в нем легко опознается основное чувашское слово для ‘матери’ — *anñe*. Очевидно, что чувашский термин попал в марийский список по недоразумению. Это не единственная ошибка такого рода в материалах Ф. И. Страленберга: ср. хотя бы марий-

¹ Здесь и далее в угловые скобки заключаются формы из чувашского словника Ф. И. Страленберга и других старописьменных памятников, представленные в оригинальной орфографии.

ское числительное ‘семь’ (горн., СЗ *šamət*²), оказавшееся в виде <Ssemet> в удмуртском словнике [Тепляшина 1965: 26; Напольских 2018: 465–466]. Чувашская принадлежность выглядит настолько бесспорной, что объяснить неупоминание его в чувашеведческих работах можно лишь прискорбной особенностью исследовательской традиции, а именно рассмотрением одного конкретного словника Ф. И. Страленберга в полном отрыве от других. Между тем исследователям старомарийских памятников ошибочный характер включения записи <Annæ> в марийский словник Ф. И. Страленберга, а не в чувашский, уже известен [Сергеев 2021: 116].

Помимо этого, О. А. Сергеев высказался в пользу чувашской языковой принадлежности еще одного элемента из марийского словника Ф. И. Страленберга: <Yulni> ‘Erde = земля’. Его было предложено считать отражением *jalne*, формы дательного-винительного падежа чув. *jal* ‘деревня’. Представляется, что во всех отношениях более удачно объяснение этой записи на собственно марийской почве, ср. мар. горн. *ülñə*, СЗ *ülñö* ‘внизу’³. Соотношение реального марийского значения и значения по Ф. И. Страленбергу может быть объяснено недопониманием в ситуации опроса: ‘земля’ в вопросе исследователя → ‘[то, что] внизу’ в ответе информанта.

Наконец, необходимо остановиться на еще одном свидетельстве о возможной фиксации чувашского материала в книге Ф. И. Страленберга. Согласно одному из первых исследователей старочувашских памятников Г. И. Комиссарову, Ф. И. Страленбергом был записан и опубликован не только первый чувашский словник, но и первая фраза на чувашском языке. Строго говоря, это верно: см. ниже анализ записи <Kašpolat>, за которой кроется целое чувашское предложение. Однако Г. И. Комиссаров сообщал в рукописи 1946 г. (цит. по:

² Согласно О. А. Сергееву, в словнике Ф. И. Страленберга отражены данные западномарийского типа, в частности материалы северо-западного наречия [Сергеев 2021: 109]. В связи с этим здесь и далее в качестве сопоставительного материала цитируются западномарийские (горные и северо-западные) формы, но не луговые.

³ Автор выражает благодарность М. А. Ключевой, обратившей внимание на возможность такой интерпретации данной формы.

[Комиссаров 2003: 314–315]), что в «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia» приводится также поговорка на чувашском (!) языке, основанная на известной легенде о корове, которая съела чувашскую книгу (мотив В116 «Съеденная книга» в каталоге: [Березкин, Дувакин]. Это не так, и мнение Г. И. Комиссарова, скорее всего, основано не на личном знакомстве с книгой Ф. И. Страленберга, а на пересказе из какого-то вторичного источника — например, из труда В. А. Сбоева [Сбоев 1850: 65]. У Ф. И. Страленберга, в самом деле, приводится легенда о съеденной коровой книге, но, во-первых, марийская («черемисская»), а во-вторых, только в немецком изложении¹. В. А. Сбоев, обсуждая «сказания» Ф. И. Страленберга, ошибочно связывает этот фрагмент с описанием чувашей, а ставшую поговоркой часть легенды — «книги корова съела» — сопровождает переводом на чувашский (*книгге-зане и-не сйза питерны*). Пассаж В. А. Сбоева, действительно, можно понять так, будто эта чувашская фраза содержится уже у Ф. И. Страленберга, так что неточность Г. И. Комиссарова (по-видимому, не имевшего доступа к первоисточнику) получает правдоподобное объяснение.

Таким образом, в книге Ф. И. Страленберга задокументировано в общей сложности 30 чувашских слов. Языковые формы и прочие данные, необходимые для адекватной интерпретации этого материала, представлены ниже (см. табл. 1). Эта таблица структурирована следующим образом. В ле-

вой части приводятся формы из чувашского словника Ф. И. Страленберга в оригинальной орфографии; немецкие значения сопровождаются русским переводом; при необходимости вводятся конъектуры (в фигурных скобках под астериском). Формы пронумерованы для упрощения ориентирования в материале и в целях его систематизации: сначала даются слова из основного словника (в порядке появления), затем из дополнительного, после чего следуют записи <Thor> (находящаяся за пределами словника, но хорошо известная исследователям старочувашских памятников) и <Annæ> (впервые вводимая в чувашеведческий научный оборот). Далее для элементов чувашского словника Ф. И. Страленберга предлагаются реконструкции фонетических прототипов. Необщепринятые фонетические символы имеют следующие значения: [з] — открытая реализация переднего неогубленного редуцированного ə; точка под символом для редуцированного гласного — суженная артикуляция; гачек (˘) под символом для шумного согласного — не отражаемая в орфографии Ф. И. Страленберга полувзвонкая артикуляция; [ʌ] — открытая реализация заднего неогубленного редуцированного ʊ; ° — огубленная артикуляция редуцированного гласного. Вслед за этим приводятся эквиваленты форм памятника в фонологической записи, в целом опирающиеся на данные верхового диалекта чувашского языка (как более архаичного). В колонке [Müller 1759] приводятся в качестве сравнительного материала миллеровские записи (в оригинальной орфографии) тех же слов, которые были задокументированы Ф. И. Страленбергом. Наконец, таблица включает указатель комментариев к конкретным формам из словника Ф. И. Страленберга, в то время как сами комментарии составляют следующий раздел настоящей работы.

¹ «Sie haben keine Bücher und Schrifften, sondern wenn man sie um folche fraget, antworten sie, daß dergleichen wohl vor uhralters den ihnen gewesen; Allein die große Kuh hätte die Bücher aufgefressen» [Strahlenberg 1730: 346].

Таблица 1. Интерпретация чувашских материалов Ф. И. Страленберга

[Table 1. Interpretation of Ph. J. Strahlenberg's Chuvash materials]

	Strahlenberg 1730	Реконструкция фонетического прототипа	Чув. эквивалент в фонологической записи	Müller 1759	Комментарии (см. след. раздел)
1	<Pärr> 'eins = один'	[p ^(h) zr]	pər (attr.) 'тж.'	<Bär>	1, 2, 3, 8
2	<Ycki> 'zwey = два'	[ikkə ~ iḱə]	ikkə (subst.), igə (attr.) 'тж.'	<Ike>	4, 5, 6, 8, 25
3	<Uitfi> 'drey = три'	[viśśə]	viśśə (subst.) 'тж.'	<W{*ü}ffe>	4, 6, 7, 8, 13

	Strahlenberg 1730	Реконструкция фонетического прототипа	Чув. эквивалент в фонологической записи	Müller 1759	Комментарии (см. след. раздел)
4	<Twata> 'vier = четыре'	[tvattɐ ~ tvaɫɐ]	<i>tʰvattʰ</i> (subst.), <i>tʰvadʰ</i> (attr.) 'тж.'	<Dwatta>	7, 8, 9, 10
5	<Belich> 'fünff = пять'	[pillək ~ pilək]	<i>pillək</i> (subst.), <i>pilək</i> (attr.) 'тж.'	<Billek>	1, 5, 6, 8, 11
6	<Olta> 'sechs = шесть'	[oltta ~ olɫa]	<i>oltʰ</i> (subst.), <i>oldʰ</i> (attr.) 'тж.'	<Alta>	8, 10, 12
7	<Sithy> 'sieben = семь' <{*Sifchy}>	[síččə ~ síçə]	<i>siččə</i> (subst.), <i>sižə</i> (attr.) 'тж.'	<Sifche>	4, 6, 8, 13, 14
8	<Ssylem> 'acht = восемь' <{*Ssyrem}>	[síɾəm]	<i>siɾəm</i> 'двадцать'	<Sírem>	4, 6, 13, 15, 16
9	<Bokur> 'neun = девять' <{*Tokur}>	[tʰʰxʰr ~ tʰʰxʰr]	<i>tʰʰxʰr</i> (subst.), <i>tʰʰxʰr</i> (attr.) 'тж.'	<Tuchor>	8, 10, 17, 18, 19
10	<Wonn> 'zehen = десять'	[von]	<i>von</i> (attr.) 'тж.'	<Wonna>, <Wonn=>	3, 7, 8, 12
11	<Kuell> 'Sonne = солнце'	[xvel]	<i>xəʷel</i> 'тж.'	<Chwel, Schwel>	3, 7, 9, 19, 20
12	<Bofs> 'Kopff = голова'	[poʃ]	<i>poʃ</i> 'тж.'	<Bos, Poff>	1, 3, 12, 13
13	<Sumfa> 'Nafe = нос'	[sʰmʃa]	<i>sʰmʃa</i> 'тж.'	<Sumfah>	8, 18
14	<Ssys> 'Haar = волосы' <{*Syfs}>	[šús]	<i>šús</i> 'тж.'	<Süfl>	3, 13, 21
15	<Kann> 'Tag = день' <{*Konk} / ?{*Kunn}>	[kon] / ?[kun]	верх. <i>kon</i> , низ. <i>kun</i> 'тж.'	<Kon>	3, 5, 12, 22, 23
16	<Kafpolat> 'Nacht = ночь'	[kaʃ=polatʰ]	<i>kaʃ polatʰ</i> 'вечер/ночь наступает'	<Kafpolat>	5, 12, 13, 16
17	<Ohra> 'Fuß = нога' (в основном списке), 'Fuß' (в дополнительном списке)	[ora]	<i>ora</i> 'тж.'	<Oräh>	12
18	<Sack> 'Bauck <{*Banck} = лавка, скамья'	[sak]	<i>sagʰ, sak</i> 'тж.'	<Sak>	5, 27
19	<Sokula> 'Bart = борода' <{*Sokala}>	[soɟala]	<i>soɟal</i> , (dat.-acc.) <i>soɟal-a</i> 'тж.'	<Sochäl, Suchäl>	8, 12, 19, 23, 24
20	<Karuhoe> 'Fenster = окно' <{*Karundoc(k)}>	[kaɾʰndʰk]	<i>kaɾʰndʰk</i> 'брюшина', (уст.) 'окно'	<Karndik>	5, 8, 10, 14, 25
21	<Kukru> 'Bruft = грудь'	[kʰʰkrʰ]	<i>kʰʰgʰr</i> , диал. <i>kʰʰkrʰ</i> 'тж.'	<Kukrù>	5, 10, 18
22	<Köes> 'Aug{*e} = глаз' <{*Kofs} / ?{*Koes}>	[koʃ] / ?[kuʃ]	верх. <i>koʃ</i> , низ. <i>kuʃ</i> 'тж.'	<Koff, Kôds>	3, 5, 12, 13
23	<Sukru> 'Brod = хлеб'	[šʰʰkrʰ]	<i>šʰʰgʰr</i> , диал. <i>šʰʰkrʰ</i> 'тж.'	<Sukru>, <šukrù>	5, 10, 13, 18
24	<Koll> 'Arm = рука (верхняя часть)'	[xol]	<i>xol</i> 'тж.'	<Chol>	3, 12, 19
25	<Suas> 'Mund = рот' <{*Suar(r)}>	[švar]	<i>šʰʰvar</i> 'тж.'	<Suwâr, Suâr>	3, 7, 9, 13, 26
26	<Alln> 'Hand = рука (кисть)' <{*Allu}>	[alʰ]	<i>alʰ</i> 'тж.'	<Alla>	8, 10, 27
27	<Giëra> 'Hertz = сердце'	[=žzrä]	<i>čəre</i> 'тж.'	<Ŧfchiri>	2, 20, 28
28	<Ziurd> 'Hauß = дом'	[šort] / ?[šurt]	верх. <i>šort</i> , низ. <i>šurt</i> 'тж.'	<S{*s}ort>	12, 13, 29
29	<Thor> 'Gott = Бог'	[tor]	<i>Torʰ, Tor</i> 'тж.'	<Thora>, <Tora>, <Tóra>	3, 12, 30
30	<Annæ> 'Mutter = мать'	[anñä]	<i>anñe</i> 'тж.'	<Anäi>	8, 20

Филологический комментарий

Ниже приводятся соображения текстологического и лингвистического характера, совокупность которых позволяет интерпретировать чувашские материалы Ф. И. Страленберга. Основная задача этого комментария — установить, какие факторы определили облик той или иной записи. Среди возможных причин нетривиального облика форм в памятнике — неточная передача чувашской фонетики в процессе документации; намеренное обращение к неочевидным орфографическим приемам; порча формы в промежутке между документацией и публикацией книги (в случае чего необходимо введение конъектур); наконец, адекватное отражение нетривиальных особенностей некоторого чувашского говора начала XVIII в.

1. Глухие / звонкие отражения в соответствии с чув. р-

В случае ₁<Pärr> ‘eins’ (~ чув. *pər*) отражается глухой анлаут, в случаях ₅<Belich> ‘fünff’ и ₁₂<Bofs> ‘Kopff’ (~ *pil(l)ək, poś*) — как будто звонкий. Вероятно, в действительности речь идет о вариантах губного шумного, воспринятых Ф. И. Страленбергом в реалиях родного немецкого языка, соответственно, как придыхательный и непридыхательный. Встает вопрос о природе этого распределения. Примечательно, что в первом случае за губным следует редуцированный гласный (см. п. 2), в других — гласный полного образования. В таком случае <b-> может отражать простой [p-], а <p-> — как бы придыхательный [p^h-] из-за позиции перед редуцированным, который мог иметь в таком контексте шепотную артикуляцию.

Для сравнения, в чувашском словнике Г. Ф. Миллера <b-> и <p-> встречаются примерно с одинаковой частотностью (по полтора десятка раз), в том числе в одних и тех же словах: <Bitfchè>, <Pitfche> ‘Bruder (der ältere)’ (~ *pičče*), <Bos>, <Poff> ‘Kopf’ (~ *poś*).

2. Отражение открытой реализации ə в первом слоге

Для записи ₁<Pärr> ‘eins’ (~ чув. *pər*) Х. Эрен [Eren 1998: 306] давал ошибочное чтение <Parr>; в других учтенных работах она прочитана верно. При помощи <ä> здесь передается открытый аллофон переднего редуцированного гласного типа [э]. Аналогичная орфограмма представлена у Г. Ф. Мил-

лера, ср. <Bär> в записи той же чувашской основы, а также случаи типа <Kímä> ‘Schiff’ (~ *kimə*), <Wílnä> ‘todt’ (~ *vilnə*).

Судя по записи ₂₇<Giëra> ‘Hertz’ (~ *čäre*), в словнике Ф. И. Страленберга синонимично по отношению к <ä> в значении открытого переднего редуцированного гласного употребляется <ë>. Ср. в связи с этим параллелизм между <a> и <e> как отражениями аналогичного гласного полного образования (п. 20). Заметим, что в предшествующей литературе данное слово последовательно цитировалось как <Giera>, но в доступной высококачественной копии без сомнений читается именно <ë>.

Других способов реализации ə в первом слоге не отмечено, т. е. открытый аллофон в данной позиции оказывается регулярным. О реализации в непервых слогах см. п. 6.

3. Двойные согласные в исходе однослога, маркирующие краткость предшествующего гласного

Это случаи ₁<Pärr> ‘eins’ (~ чув. *pər*), ₁₀<Wonn> ‘zehen’ (~ *von*), ₁₁<Kuell> ‘Sonne’ (~ *xə^ovel*), ₁₂<Bofs> ‘Kopff’ (~ *poś*), ₁₅<Kann> ‘Tag’ <{*Konn} / ?{*Kunn}> (~ *ko/un*), ₂₄<Koll> ‘Arm’ (~ *xol*). Облик данных основ (как и многих других в словнике) отражает сильное влияние немецкой орфографии, где выписывание одинарного или двойного согласного указывает, соответственно, на долготу или краткость предшествующего гласного. К этой же группе относится случай ₂₂<Köes> ‘Aug{*e}’, если принять конъектуру {*Kofs} (~ *koś*). Любопытен случай ₁₄<Ssys> ‘Haar’ (~ *šüs*): В. Г. Егоров [Егоров 1949: 112] дает для этой записи неверное чтение <syss>, при этом введение именно формы {*Syfs} в качестве конъектуры выглядит достаточно оправданным, если отталкиваться от орфографии памятника. По тем же основаниям для случая ₂₅<Suas> ‘Mund’, возможно, следует реконструировать не просто {*Suar}, а {*Suarr}. Фонологически это двусложное слово (~ *š^ovar*), но у Ф. И. Страленберга отражено фонетически односложное [švar], а приведенное выше ₁₁<Kuell> подтверждает, что основы подобной структуры ведут себя с точки зрения орфографии памятника как однослоги.

Также приведенное правило не соблюдается в записи ₂₉<Thor> ‘Gott’ (~ *Tor*), но конъектура не вводится, поскольку это слово, вероятно, изначально было записано в

таким виде под воздействием специфических факторов, см. п. 30.

Аналогичная орфограмма отмечается и в других словниках Ф. И. Страленберга, ср. примеры: сиб.-тат. <Birr> 'eins' (~ тат. *bər*¹), <Onn> 'zehen' (~ *un*), <Ott> 'Feuer' (~ *ut*); удм. <Nell> 'vier' (~ *nijl*'), <Witt> 'fünff' (~ *vit*'), <Pinn> 'Zahn' (~ *pin*). В чувашском словнике Г. Ф. Миллера подобные примеры также встречаются (<Wonn=> 'zehen', <Poff> 'Kopf', <Süff> 'Haar'), но чаще в исходе однослогов записывается одинарный согласный.

4. Синонимичное употребление <i>, <y> для передачи i

Латинская буква <y> используется, наряду с тривиальной <i>, как отражение переднего неогубленного гласного i. На каждую орфограмму приходится по два примера, ср. <Ycki> 'zwey' (~ чув. *ikkə, igə*), <Ssylem> 'acht' <{*Ssyrem}> (~ *širəm* 'двадцать') и <Uitfi> 'drey' (~ *viššə*), <Sithy> 'sieben' <{*Sitfchy}> (~ *šiččə, šičžə*). Установить правила распределения на столь скудном материале невозможно, поэтому <y> и <i> приходится считать орфографическими синонимами. Случаи нетривиального употребления <y> в аналогичном значении отмечаются и у Г. Ф. Миллера: <Wyřimkon> 'uebermorgen; vorgestern' (~ чув. *vižəm=kon* 'позавчера'), <Pyn> '1000' (~ *pin*).

5. Отражения k

В анлауте последовательно используется <k->: <Kann> 'Tag' <{*Konnn}> / ?{*Kunn}> (~ чув. *ko/un*), <Kafpolat> 'Nacht' (~ *kaš polat*'), <Karuhoe> 'Fenster' <{*Karundoc(k)}> (~ *karəndək*), <Köes> 'Aug{*e}' <{*Kofs}> / ?{*Koes}> (~ *ko/uš*). В инлауте и ауслaute по умолчанию применяются правила немецкой орфографии и употребляется сочетание <-ck->: <Ycki> 'zwey' (~ *ikkə, igə*), <Sack> 'Bauck <{*Banck}' (~ *sak*), а также, возможно, <Karuhoe> 'Fenster' <{*Karundock}>. По-

¹ Сибирско-татарский словник Ф. И. Страленберга отражает, согласно комментарию в «Harmonia linguarum», речь тобольских, тюменских и тарских татар. Здесь и далее эти записи сопоставляются с литературным (казанско-) татарским языком, а не с письменной формой сибирско-татарского, поскольку нагляднее сходство записей Ф. И. Страленберга именно с первым.

следняя конъектура была предложена еще Н. П. Петровым [Петров 1978: 49]. Если инлаутный <-k-> выступает как первый элемент в сочетании согласных, то вместо <-ck-> используется простая <-k->: <Kukru> 'Bruft' (~ *kʷkrʷ*^o), <Sukru> 'Brod' (~ *šʷkrʷ*^o). Случай <Belich> 'fünff' (~ *pil(l)ək*), если это не искажение исходного {*Belick}, может быть объяснен попыткой передать сильно палатализованный [-k'] в ауслaute переднерядной основы при помощи особого сочетания <ch> — по модели того, как в немецкой орфографии <ch> употребляется для отражения аллофонического по отношению к велярному [x] палатального [ç]. Нельзя исключать единичное употребление <c> в значении k, если вводить для <Karuhoe> 'Fenster' конъектуру {*Karundoc}. Преимущество такой реконструкции в сравнении с {*Karundock} — отсутствие необходимости постулировать в одной и той же форме, помимо ряда других ошибок при переписывании, еще и утерю <-k->, а цена этого решения — введение орфограммы, которая иначе в чувашских материалах Ф. И. Страленберга не встречается. Однако можно, по крайней мере, отметить использование <c> в значении заднеязычного взрывного (увулярного q) в опубликованном в этой же таблице сибирско-татарском словнике: <Cara> 'Schwartz' (~ *qara*).

В том же сибирско-татарском словнике находим аналогичное чувашским случаям использование <ck>, ср. <Icke> 'zwey' (~ тат. *ikkə*). Параллелью для чувашского случая с <ch> может служить мар. <Ichtet> 'eins' (~ горн., СЗ *iktət*), где особое сочетание, вероятно, маркирует k в переднерядном окружении.

6. Отражения ə в непервых слогах

Как и при отражении полного i (см. п. 4), синонимично используются <i>, <y>. На первую орфограмму приходится три примера, на вторую — один, ср. <Ycki> 'zwey' (~ чув. *ikkə, igə*), <Uitfi> 'drey' (~ *viššə*), <Belich> 'fünff' (~ *pil(l)ək*) и <Sithy> 'sieben' <{*Sitfchy}> (~ *šiččə, šičžə*). Кроме того, единожды ə в закрытом втором слоге отражается при помощи <e>: <Ssylem> 'acht' <{*Ssyrem}> (~ *širəm* 'двадцать'). Установить распределение не удастся, поскольку это та же позиция, что и в случае <Belich>, а отражения — разные.

Ср. нетривиальное использование <y> в аналогичной функции в сибирско-татарском словнике Ф. И. Страленберга: <Kfy> ‘Mensch’ (~ тат. *käſä*). «Черемисское» <Wyfett> ‘fünff’ (~ мар. горн., СЗ *wəzət*) включает <y> как отражение *ə* в первом слоге и, подобно чув. <Ssylem>, <e> на месте *ə* второго слога.

7. Отражения *v*

Как синонимы употребляются <w>, что ожидаемо исходя из сильного влияния немецкой орфографии на орфографию памятника, и <u>. На первую орфограмму приходятся два примера, на вторую — три, ср. <Twata> ‘vier’ (~ чув. *tʰvattʰ*, *tʰvadtʰ*), <Wonn> ‘zehen’ (~ *von*) и <Uitfi> ‘drey’ (~ *viššə*), <Kuell> ‘Sonne’ (~ *xəʷel*), <Suas> ‘Mund’ <{*Suar(r)}> (~ *šʷvar*). Запись <Uitfi> приводится в ошибочном чтении <vitsi> у В. Г. Егорова [Егоров 1949: 111], в остальных учтенных работах она прочитана верно.

В качестве параллели к не совсем тривиальной записи [v] через <u> ср. <Kuatt> в коми-пермяцком словнике Ф. И. Страленберга (~ *kvat*); см. [Напольских 2018: 464].

8. Проблема отражения интервокальных согласных

В чувашском интервокале (позиция между гласными или после сонанта перед гласным) противопоставляются геминированные и простые согласные, причем негеминированные шумные подвергаются озвончению. В материалах Ф. И. Страленберга геминацию можно надежно усматривать в записи <Annæ> ‘Mutter’ (~ чув. *anʰe*). Более проблематичен случай <Alln> ‘Hand’ <{*Allu}>. В этой основе многие старочувашские памятники отражают как будто геминированный *l*, хотя в современной чувашской форме *alʰ* никакой геминаты нет, и с точки зрения этимологии не ясно, откуда она могла бы взяться (ПТю **elig* ~ **elg*). Возможно, этот случай следует объяснять тем, что <ll> старочувашских памятников мог маркировать краткость предшествующего гласного не только в однословах (см. п. 3), но и в многосложных основах. У Г. Ф. Миллера, действительно, встречается целый ряд записей с <ll> в таких неодносложных чувашских словах, где отражение геминаты было бы крайне неожиданно, ср., помимо собственно <Alla> ‘Arm, Hand’, формы <Püllüt> ‘Wolken’ (~ *pəʷləʷt*),

<Tóllo> ‘Weizen’ (~ *tolʰ*), <Süll{*ü}> ‘Hafer’ (~ *səʷləʷ*), <killes> ‘zu komme’ (~ *kiles*). В таком случае аналогичное отражение термина ‘рука’ в кириллических (!) памятниках XVIII в., в частности <алла> в первой чувашской грамматике («Сочинения...» 1769 г.) [Сочинения 1769: 18] и <алла> в Словаре П. С. Палласа (1787–1789 гг.) [Паллас 1787: 109], может быть объяснено общим влиянием латинографических памятников или даже механической транслитерацией прямого заимствования из более раннего источника¹.

Судя по записям <Sumfa> ‘Nafe’ (~ *šʷmza*), <Sokula> ‘Bart’ <{*Sokala}> (~ *soyal-a*), полувзвонность негеминированных шумных в чувашском словнике Ф. И. Страленберга не отражается. Это приводит к некоторым сомнениям при выборе конъектуры для <Karuhoe> ‘Fenster’ (~ *karʰndʰk*). Вариант <{*Karundoc(k)}>, в сравнении с допустимым <{*Karuntoc(k)}>, нарушает тенденцию неотражения полувзвонности, но имеет то преимущество, что позволяет объяснить смешение <d> и <h> сходством начертания этих букв. Такое объяснение едва ли возможно в случае гипотетического смешения <t> и <h>. В конечном счете <{*Karundoc(k)}> следует считать предпочтительной конъектурой, тем более степень озвончения чувашских шумных варьируется в зависимости от качества самого согласного и от его окружения. Вполне вероятно, что в контексте [kaʰndʰk] качество срединного шумного больше способствовало звонкому отражению, чем в приведенных выше основах, отражающих чув. [sʰmʂa] и [soʂala].

Вопрос о качестве второго согласного основы возникает при обсуждении всех числительных из списка Ф. И. Страленберга, кроме <Pärg> ‘eins’ (~ *pər*), <Ssylem> ‘acht’ <{*Ssyrem}> (~ *širəm* ‘двадцать’) и <Wonn> ‘zehen’ (~ *von*). Чувашские числительные первого десятка имеют два варианта: так называемый «полный» (употребляется в субстантивной функции, в частности как счетная форма) и «краткий» (появляется в атрибутивной позиции). Полные формы содержат геминированный согласный в инлауте, краткие — одинарный (т. е. полувзвонный, если речь идет о шумном), причем ауслутивный редуцированный гласный в кратких

¹ Иное возможное объяснение формы из Словаря П. С. Палласа предложено в диссертации [Савельев 2014: 96].

формах часто отпадает. А priori имело бы смысл исходить из того, что в списке от '1' до '10' представлены счетные формы или, по крайней мере, все числительные выступают последовательно в полном или кратком варианте. Однако материал Ф. И. Страленберга показывает ложность этой предпосылки. Среди задокументированных им числительных ₁<Pärt> 'eins' и ₁₀<Wonn> 'zehen' надежно опознаются как краткие, ₃<Uitfi> 'drey' — как полное (~ *viššə*), поскольку сочетание <tf> мыслимо представить в качестве отражения геминаты -šš- (см. п. 13), но не простого -š- (~ -ž-). В случае же числительных ₂<Ycki> 'zwey' (~ *ikkə, igə*), ₄<Twata> 'vier' (~ *tʰvattʰ, tʰvadʰ*), ₅<Belich> 'fünff' (~ *pil(l)ək*), ₆<Olta> 'sechs' (~ *olttʰ, oldʰ*), ₇<Sithy> 'sieben' <{*Sitfchy}> (~ *šiččə, šičə*), ₉<Bokur> 'neun' <{*Tokur}> (~ *tʰxʰr, tʰrʰr*) орфография не позволяет сказать, идет ли здесь речь о кратких или полных вариантах. Это могут быть краткие варианты с неотражаемой полувзвонкостью или полные с неотражаемой геминацией. И то, и другое — вполне частотные орфографические феномены в старочувашских памятниках.

9. Выпадение безударного редуцированного перед [v]

Случай ₄<Twata> 'vier' (~ чув. *tʰvattʰ, tʰvadʰ*), ₁₁<Kuell> 'Sonne' (~ *xəʰvel*), ₂₅<Suas> 'Mund' <{*Suar(r)}> (~ *švʰvar*). Отражение этого явления в орфографии в целом характерно для старочувашских памятников, ср. те же основы у Г. Ф. Миллера: <Dwatta>, <Chwel, Schwel>, <Suâr> наряду с <Suwâr> (в последнем случае гласный первого слога сохраняется). Выпадение редуцированного в такой позиции вполне характерно и для современного чувашского языка (в спонтанной речи).

10. Отражения задних редуцированных [ʔ], [ʔʰ] в непервых слогах

В непервых открытых слогах противопоставление между [ʔ] и [ʔʰ] последовательно соблюдается. Неогубленный редуцированный реализуется как открытый [-ʔ] и записывается через <-a>, огубленный реализуется как закрытый [-ʔʰ] и отражается при помощи <-u>. Ср., с одной стороны, ₄<Twata> 'vier' (~ чув. *tʰvattʰ, tʰvadʰ*), ₆<Olta> 'sechs' (~ *olttʰ, oldʰ*) и, с другой, ₂₁<Kukru> 'Bruft', ₂₃<Sukru> 'Brod', ₂₆<Alln> 'Hand' <{*Allu}>. В случаях ₂₁<Kukru> и

₂₃<Sukru> лабиализация во втором слоге возникает в результате гармонии по этимологически огубленному редуцированному в первом (~ диал. *kʰkrʰ, šʰkrʰ*). Сложнее случай ₂₆<Alln> (~ *alʰ*). Если это не результат цепочки ошибок (в таком случае конъектура {*Allu}, см. п. 27, должна считаться вторичной по отношению к еще более раннему варианту {*Alla}, см. п. 23), то огубление редуцированного может быть объяснено только позицией после -l-. В кириллическом Словаре П. С. Палласа некоторые основы, включающие такую фонетическую последовательность, отражают как раз огубленный — в том числе в случае <ало> 'рука' [Савельев 2014: 150].

В непервых закрытых слогах огубленные и неогубленные задние редуцированные в орфографии Ф. И. Страленберга, по-видимому, не различаются. Буквы для огубленных используются не только в случае ₉<Bokur> 'neun' <{*Tokur}>, где лабиализация второго редуцированного по этимологически огубленному первому вполне ожидаема (~ *tʰxʰr, tʰrʰr*), но и в записи ₂₀<Karuhoe> 'Fenster' <{*Karundoc(k)}>. Последняя форма не дает никаких оснований предполагать реальное огубление инлаутных редуцированных (~ *karʰndək*) вдобавок к чисто «орфографическому».

11. Единичное выписывание <e> на месте ожидаемого [i]

Случай ₅<Belich> 'fünff'. С точки зрения синхронной и исторической фонетики такое отражение чув. *pil(l)ək* 'пять' совершенно необъяснимо — ожидалось бы {*Bilich}. Даже в наиболее обособленном северо-западном (малокарачкинском) диалекте чувашского языка, где общечувашскому *i* может соответствовать закрытый *e* (из краткого ПТю *e), данная основа выступает в тривиальном варианте *pilək* (что указывает на пратюркский долгий **ē* или дифтонг). Таким образом, *i*-образный гласный должен быть реконструирован в этом слове уже для прачувашского состояния (~ послемонгольское время), и нет причин думать, что [e] мог отражаться в каких-либо чувашских говорах XVIII в. По-видимому, это тот редкий элемент в чувашском словнике Ф. И. Страленберга, своеобразие которого следует объяснять просто неточной документацией, а именно ошибочным соотношением чув. [i] с гласным среднего подъема [e].

12. Отражения «общечувашского» *o

Различные рефлексy старoгo *o традиционно приводят как наиболее яркие признаки двух «классических» диалектов чувашского языка — верхового и низового. Как считается, в верховом диалекте *o сохраняется, а в низовом переходит в *u*. Данные Ф. И. Страленберга в общем случае отражают материал с рефлексацией первого типа, ср. записи ⁶<Olta> ‘sechs’ (~ чув. *olttǎ, oldǎ*), ¹⁰<Wonn> ‘zehen’ (~ *von*), ¹²<Bofs> ‘Kopff’ (~ *posǎ*), ¹⁶<Kafpolat> ‘Nacht’ (~ *kaś polat*), ¹⁹<Sokula> ‘Bart’ <{*Sokala}> (~ *soyal-a*), ²⁴<Koll> ‘Arm’ (~ *xol*), ²⁹<Thor> ‘Gott’ (~ *Tor*). Скорее всего, «окающая» фонетика стоит и за записью ¹⁵<Kann> ‘Tag’ из {*Konn} (~ *kon*) — вряд ли {*Kunn}.

Своеобразен случай ¹⁷<Ohra> ‘Fuß / Fufs’ (~ *ora*). В немецкой орфографии <h> после гласного маркирует долготу. Объяснить использование этой орфограммы каким-то особым качеством чувашского [o-] не представляется возможным: позиция здесь безударная, так что предполагать удлиненную артикуляцию не приходится. Таким образом, речь идет о синонимичном по отношению к простому <o> способе оформления краткого [o]. Случаи, как кажется, немотивированного выписывания <h> после гласного встречаются и в других словниках Ф. И. Страленберга, ср. сиб.-тат. <Buruhn> ‘Nafē’ (~ тат. *börön*), удм. <Ihm> ‘Mund’ (~ *im*).

Требуеt комментария и запись ²²<Köes> ‘Aug{*e}’. Выписывание <ö> здесь, по-видимому, ошибочно — и во всяком случае оно не может быть связано с отражением переднего огубленного [ö]. Хотя исторически гласный в чув. *koś* ‘глаз’ является как раз передним (< ПТю *kōrsǎ), его переход в задний ряд в позиции после *k- произошел рано (отражен уже в чувашских заимствованиях в марийском языке, датируемых XIII–XV вв.), так что усматривать форму на *kö-* в материалах XVIII в. было бы явным анахронизмом. Возможны два варианта конъектуры — {*Kofs} или {*Koes}. Первый вариант указывает на отражение тривиального [koś], но цена такого решения — предположение об искаженном характере сразу двух букв в слове из четырех. Второй вариант требует минимальной конъектуры, однако предполагает реконструкцию формы с достаточно проблематичной фонетикой. Дело в том, что <oe> в орфографии Ф. И. Страленберга является

одним из способов записи *u*. В чувашском словнике других таких примеров нет, однако подобный случай находим, например, в удмуртском списке: <Woe> ‘Waffer’ (~ *vu*). Эта орфограмма заимствована Ф. И. Страленбергом из нижненемецкой традиции, где при помощи <oe> обозначается долгий *ū*. Как и сочетание с <h>, при документации языков Волго-Уральского региона и Сибири <oe> вполне мог использоваться и для передачи кратких гласных: ср. не только приведенный выше пример, но и, например, вариант названия удмуртов <Oedmurd> в материалах близкого соратника и друга Ф. И. Страленберга Д. Г. Мессершмидта [Напольских 2018: 467–468]. В таком случае фонетический прототип обсуждаемой записи можно было бы восстанавливать в виде [kuś]. Документация такой формы в общем возможна; сомнительным, однако, является отражение в ней специфической фонетики низового диалекта (упомянутое развитие *o > *u*). Допускать возможность отражения в очень коротком списке Ф. И. Страленберга данных сразу двух чувашских диалектов, во-первых, не хотелось бы по причинам общеметодологического характера (поскольку такое допущение снижает надежность анализа — ср. пассаж о возможной разнодиалектности удмуртского словника в [Напольских 2018: 462–463]). Во-вторых, разнодиалектность чувашского списка крайне слабо подтверждается непосредственно наблюдаемым, а не восстановленным в результате конъектуры, языковым материалом.

Единственная запись, в которой как будто напрямую отражается низовая фонетика: ²⁸<Ziurd> ‘Haufs’ (~ чув. верх. *śort*, низ. *śurt*). Ввиду изолированного характера довольно рискованно считать эту форму надежной. По-видимому, лучше объяснять ее неточным отражением чувашского вокализма при документации формы типа [śort]. Ср. в связи с этим случай ⁵<Belich> ‘fünff’ (п. 11): в обоих случаях неточная документация может быть обусловлена перцептивным смешением гласных верхнего и среднего подъема.

13. Отражения ś

Наиболее частотным отражением является <s>: ⁷<Sithy> ‘sieben’ <{*Siftchy}> (~ чув. *śiččǎ, śižǎ*), ¹⁴<Ssys> ‘Haar’ <?{*Syfs}> (~ *śūs*), ¹⁶<Kafpolat> ‘Nacht’ (~ *kaś polat*), ²³<Sukru> ‘Brod’ (~ *śǎkrǎ*), ²⁵<Suas> ‘Mund’

<{*Suar(r)} (~ *ṣ́var*). В случаях ₁₂<Bofs> ‘Kopff’, ₁₄<Ssys> ‘Haar’ <?{*Syfs}> на месте -ṣ́ в исходе однослога (~ *poṣ́, ṣ́iṣ́*) записывается или восстанавливается <-fs>. Это, по-видимому, всего лишь вариант предыдущей орфограммы, в котором удвоение <s> маркирует краткость предшествующего гласного (см. п. 3). В принципе можно было бы говорить о том, что двойная <s> имеет конкретное значение палатального ṣ́, ср. однозначно интерпретируемый случай ₈<Ssylem> ‘acht’ <{*Ssyrem}> (~ *ṣ́irəm* ‘двадцать’), однако дело в том, что в других словниках Ф. И. Страленберга это сочетание даже в анлауте может использоваться при передаче простого s-, ср.: сиб.-тат. <Sfu> ‘Waffer’ (~ тат. *su*), фин. <Ssata> ‘Hundert’ (~ *sata*). Таким образом, в целом его материалы указывают на свободное использование и одинарной, и двойной <s> для обозначения как палатального, так и непалатального сибиланта. Надо сказать, что похожая картина наблюдается и в чувашском словнике Г. Ф. Миллера.

Возвращаясь к чувашскому словнику Ф. И. Страленберга, случай ₂₂<Köes> ‘Aug{*e}’ предполагает отражение -ṣ́ при помощи двойного или одинарного <s> в зависимости от выбранной конъектуры: {*Kofs} / ?{*Koes} (~ *ko/uṣ́*).

Уникальна передача ṣ́- в записи ₂₈<Ziurd> ‘Haufs’ (~ *ṣ́o/urt*). Некоторую параллель можно усматривать в форме из марийского словника Ф. И. Страленберга: <Ziemett> ‘sieben’ (~ горн., СЗ *ṣ́ətət*). В таком случае сочетание <zi-> может быть интерпретировано как окказиональный способ обозначения тех сибилантов, которые были объединены в восприятии исследователя общим признаком «шепелявости».

В единственном случае отражения геминированного -ṣ́ṣ́- употребляется сочетание <tf>: ₃<Uitfi> ‘drey’ (~ *viṣ́ṣ́ə*).

14. Пропуск букв

Для случая ₇<Sithy> ‘sieben’ (~ чув. *ṣ́iĉĉə, ṣ́iĵə*) восстанавливается исходное {*Sitfchy}. Надежность такой реконструкции определяется тем, что сочетание <tfch> практически универсально используется в значении палатальной аффрикаты как в материалах иных языков у Ф. И. Страленберга, ср. сиб.-тат. <ütſch> ‘drey’ (~ тат. *öĉ*), так и в прочих латинографических старочувашских памятниках: ср., например, запись <Sitfche> ‘7’ в словнике Г. Ф. Миллера.

В зависимости от выбранной конъектуры для случая ₂₀<Karuho> ‘Fenster’ <{*Karundoc(k)}> приходится предполагать пропуск одной или даже двух букв: <n> и, возможно, <k>. Несмотря на столь серьезную порчу (еще две буквы в слове записаны ошибочно — см. пп. 8, 25), слово было правильно отождествлено с чув. *karəndəĵk* ‘окно (уст.)’ уже Бернатом Мункачи [[Munkácsi 1887: 27](#)]. Другое предложенное сопоставление — с чув. *ĉüreĵe* ‘окно’ [[Хузангай 2011](#)] — следует признать невероятным.

15. Смешение <r> и <l>

Случай ₈<Ssylem> ‘acht’ <{*Ssyrem}>. С точки зрения графики мотивация для такого смешения неясна. Ввиду ошибочной документации не только формы, но и семантики (‘восемь’ вместо ‘двадцать’ — подлинного значения чув. *ṣ́irəm*, см. п. 16) анализ данной записи был традиционно проблематичен. В работах Б. Мункачи [[Munkácsi 1887: 27](#)] и А. П. Хузангай [[Хузангай 2011](#)], судя по приводимому рядом с <Ssylem> чувашскому *sakkər* ‘восемь’, по-видимому, предлагается считать первое слово сильно искаженным отражением второго. В. Г. Егоров [[Егоров 1949: 111](#)] сопроводил форму <Ssylem> знаком вопроса, О. Дурмуш указал ее как единственное неизвестное слово («*bilinmeyen kelime*») в чувашском словнике Ф. И. Страленберга [[Durmüş 2014: 410](#)]. Между тем в более ранней работе [[Durmüş 2009: 508](#)] обращается внимание на то, что сопоставление с чув. *ṣ́irəm* ‘двадцать’ было предложено уже Н. П. Петровым [[Петров 1978: 49](#)]. Представляется, что объяснение Н. П. Петрова и является единственным правдоподобным: оно требует лишь двух конъектур (одной буквы и значения), а сопоставимых по убедительности альтернативных объяснений данной записи просто не существует.

16. Неточности и ошибки при документации значений чувашских слов

В целом значения в чувашском словнике Ф. И. Страленберга переданы очень точно. В одном случае можно говорить о небольшой погрешности: для ‘Nacht = ночь’ дана форма ₁₆<Kaſpolat>, отражающая чувашское предложение *kaś polat* ‘ночь наступает’. Примечательно, что точно такая же запись <Kaſpolat> ‘Nacht’ содержится в чувашском словнике Г. Ф. Миллера. Невероятно, чтобы столь нетривиальная неточность в докумен-

тации появилась в двух наиболее ранних памятниках чувашской лексикографии независимо. По-видимому, это редкий случай прямого заимствования чувашских материалов Ф. И. Страленберга Г. Ф. Миллером.

Еще один случай — ошибочное приписывание записи $\langle$ 8Ssylem $\rangle$ значения ‘acht = восемь’ вместо ‘zwanzig = двадцать’ — уже был охарактеризован в предыдущем пункте. Добавлю только, что выглядит неслучайным явно неверный перевод именно числительного ‘8’ еще и в удмуртском словнике: там ‘acht’ переведено при помощи марийского термина для ‘7’ [Тепляшина 1965: 26; Напольских 2018: 465–466]. Видимо, путаница в переводах одного и того же немецкого слова обусловлена общей не очень удачной судьбой определенных фрагментов чувашского и удмуртского списков.

17. Смешение <T-> и <B->

Случай $\langle$ 9Vokur $\rangle$ ‘neun’ <{*Tokur}. О. Дурмуш дает неверное чтение <Vokur> (опечатка?) в обобщающем труде [Durmuş 2014: 334], но правильное <Bokur> в [Durmuş 2009: 508; Durmuş 2014: 26]. Слово было соотнесено с чув. $t\check{o}^{\circ}x\check{x}\check{o}^{\circ}r$, $t\check{o}^{\circ}y\check{o}^{\circ}r$ ‘девять’ уже в самых ранних работах [Munkácsi 1887: 27], у В. Г. Егорова впервые дана попытка конъектуры: {*tokhur} [Егоров 1949: 112]. По умолчанию нельзя было бы исключать конъектуру {*Dokur}, ср. примеры на выписывание как бы звонкого <b-> в соответствии с чув. *p-* в п. 1, а также пример с <d-> из сибирско-татарского словника: <Dokos> ‘neun’ (но <Tockfan> ‘neunzig’! ~ тат. *tuğыз, tuqsan*). Однако в чувашских материалах Ф. И. Страленберга начальный <d-> иначе не встречается: даже отражение чув. $t\check{o}^{\circ}vatt\check{o}^{\circ}$, $t\check{o}^{\circ}vad\check{o}^{\circ}$ ‘четыре’, которое в старочувашских памятниках зачастую выписывается с начальным звонким [Durmuş 2014: 339–340], у него документируется с глухим ($\langle$ 4Twata $\rangle$). В словаре Г. Ф. Миллера случаи с начальным <d-> также редки, в отличие от <t->. С графической точки зрения причины смешения <T-> и <B-> неясны.

18. Отражения $\check{o}^{\circ}$ в первом слоге

Вне позиции выпадения редуцированного (см. п. 9) почти регулярным отражением является <u>: $\langle$ 13Sumfa $\rangle$ ‘Nafe’ (~ чув. $s\check{o}^{\circ}mza$), $\langle$ 21Kukru $\rangle$ ‘Bruff’ (~ $k\check{o}^{\circ}kr\check{o}^{\circ}$), $\langle$ 23Sukru $\rangle$ ‘Brod’ (~ $\acute{s}\check{o}^{\circ}kr\check{o}^{\circ}$). А. П. Хузангай [Хузангай 2003: 3; Хузангай 2011] и О. Дурмуш [Durmuş 2009: 510, 512; Durmuş 2014:

26, 177, 299], не имевшие доступа к копии памятника с хорошо различимыми чувашскими формами, ошибочно читают последние две записи как <Kokru> и <Sokru>; в прочей учтенной литературе даны правильные чтения. В записи $\langle$ 9Vokur $\rangle$ ‘neun’ <{*Tokur} огубленный в первом слоге (~ $t\check{o}^{\circ}x\check{x}\check{o}^{\circ}r$, $t\check{o}^{\circ}y\check{o}^{\circ}r$) неожиданно записан как <o>. Возможно, не случайно, что такое нетривиальное отражение находится рядом с порченной первой буквой слова, в таком случае весь анлаут с точки зрения передачи чувашской фонетики может быть ненадежен.

19. Отражения *x*

Этот согласный абсолютно регулярно передается через <k>: $\langle$ 9Vokur $\rangle$ ‘neun’ <{*Tokur} (~ чув. $t\check{o}^{\circ}x\check{x}\check{o}^{\circ}r$, $t\check{o}^{\circ}y\check{o}^{\circ}r$), $\langle$ 11Kuell $\rangle$ ‘Sonne’ (~ $x\check{o}^{\circ}vel$), $\langle$ 19Sokula $\rangle$ ‘Bart’ <{*Sokala} (~ *soyal-a*), $\langle$ 24Koll $\rangle$ ‘Arm’ (~ *xol*). Ср. орфографию чувашского словника Г. Ф. Миллера, где *x* в общем случае отражается при помощи сочетания <ch>: <Tuchor> ‘9’, <Chwel, Schwel> ‘Sonne’, <Sochål, Suchål> ‘Bart’, <Chol> ‘Arm, Hand’.

20. Отражения *e*

В словнике отмечено по одному случаю, где чув. *e* передается при помощи <e>, <a>, <æ>: $\langle$ 11Kuell $\rangle$ ‘Sonne’ (~ $x\check{o}^{\circ}vel$), $\langle$ 27Giëra $\rangle$ ‘Hertz’ (~ *čäre*), $\langle$ 30Annæ $\rangle$ ‘Mutter’ (~ *anñe*). Материал очень скуден, но наблюдаемое распределение между отражением *e*-закрытого в закрытом слоге и *e*-открытого (~ *ä*) в открытом слоге отмечается и в более поздних старочувашских памятниках. Использование буквы <æ> в записи <Annæ>, возможно, уникально для чувашской письменности: чаще всего гласный такого типа отражается при помощи <ä> в латинографических памятниках и <я> в кириллических.

21. Отражение *ü*

Единственный случай: $\langle$ 14Ssys ‘Naar’ <{*Syfs} (~ чув. *šüš*). Ср. у Г. Ф. Миллера: Urgy ‘Uffa’ ~ чув. *Əрхü* ‘Уфа’. В остальных случаях в чувашских записях Г. Ф. Миллера почти всегда используется <ü>, и эта же буква, как правило, употребляется в других словниках Ф. И. Страленберга: сиб.-тат. <ütfch> ‘drey’ (~ тат. *öç*) и т. п.

22. Смешение <a> и <o>

Запись $\langle$ 15Kann $\rangle$ ‘Tag’ <{*Kon} (~ чув. *kon*). Можно было бы считать этот единственный случай примером изначально не-

точной документации (гласного типа *o*-открытого?), но более вероятна ошибочная интерпретация исходного <o> как <a> при переписывании, обусловленная сходством рукописных начертаний этих букв. Такая же ошибка встречается, например, в кириллической чувашской грамматике 1769 г. и в Словаре П. С. Палласа 1787–1789 гг. [Савельев 2014: 135–136]. Ср. также запись <Alta> ‘6’ (~ *oltt̃*) в чувашском словнике Г. Ф. Миллера, но здесь сложнее объяснить ошибку графическим сходством (поскольку этот аргумент применим только к строчным вариантам <o> и <a>, но не к прописным).

О. Дурмуш считает, что исходным вариантом записи <Kann> был не {*Konn}, а {*Kunn} [Durmuş 2009: 509–510]. Это принципиально не исключено; в таком случае можно было бы ограничиться при комментировании памятника предположением о смешении <u> и <a>, которое надежно иллюстрируется другим примером (см. п. 23), и не вводить ради одного случая пункт о неразличении <o> и <a>. Однако конъектура {*Kunn} указывала бы на отражение в словнике данных низового диалекта (~ *kun*), что, как было сказано выше, чрезвычайно сомнительно.

23. Смешение <a> и <u>

Случай ¹⁹<Sokula> ‘Bart’ < {*Sokala} (~ чув. *soyal-a*). Смешение может быть обусловлено некоторым сходством между рукописными начертаниями этих букв. Ср. в удмуртском словнике Ф. И. Страленберга запись <Mador> ‘Gott’ в соответствии с удм. *tudor* ‘священный короб; икона’ и <Ma> ‘Erde, Land’ в соответствии с удм. *tu* ‘земля’, что можно было бы рассматривать как примеры на тот же тип ошибки. Впрочем, В. В. Напольских [Напольских 2018: 466] предлагает для этих случаев объяснения, связанные не с ошибками при переписывании, а с отражением удмуртской диалектной фонетики (в первом случае) и с искусственным конструированием удмуртского слова Ф. И. Страленбергом (во втором).

Обсуждение возможной конъектуры ¹⁵<Kann> ‘Tag’ <?{*Kunn} см. в п. 22.

24. Косвенная форма имени, выступающая в качестве словарной

Запись ¹⁹<Sokula> ‘Bart’ < {*Sokala} отражает, предположительно, форму дательного-винительного падежа на *-a* от чув. *soyal* ‘борода’. Сама по себе документация неначальных форм имени в качестве словарных

не так редка в самых ранних памятниках чувашского и других языков Волго-Камского ареала, что неудивительно ввиду зачаточного уровня как общей лексикографической методологии, так и лингвистического понимания этих конкретных языков в начале XVIII в. Ср. запись <Pele> ‘Ohr’ в удмуртском словнике Ф. И. Страленберга, которая, как предполагается, также снабжена словоизменительным аффиксом — показателем принадлежности 1-го лица [Тепляшина 1965: 28; Напольских 2018: 470].

25. Смешение <c> и <e>

Обусловлено сходством начертаний этих букв и объясняет одну из ошибок в форме ²⁰<Karuhoe> ‘Fenster’ < {*Karundoc(k)}. Замечу, что и в шрифте книги Ф. И. Страленберга <c> и <e> чрезвычайно похожи, с чем связан ряд ошибочных чтений чувашских слов в предшествующей литературе. Так, О. Дурмуш правильно отождествляет упомянутую форму с чув. *kar̃nd̃yk* ‘окно (уст.)’, при этом, не располагая копией с различимым начертанием данного слова и опираясь на мнение Н. П. Петрова, цитирует эту запись неверно как <Karuhoc> [Durmuş 2009: 512; Durmuş 2014: 26, 170]. По той же причине запись ²<Ycki> ‘zwey’ (~ *ikk̃, ig̃*) была ошибочно прочитана как <Yeki> Х. Эреном и А. П. Хузангаем [Eren 1998: 306; Хузангай 2003: 3; Хузангай 2011].

26. Смешение <s> и <r>

Случай ²⁵<Suas> ‘Mund’ < {*Suar(r)} (~ чув. *š̃var*). Смешение обусловлено сходством рукописных начертаний <s> и <r>. Адекватная конъектура для этой записи была дана уже В. Г. Егоровым [Егоров 1949: 112]. Аналогичная ошибка встречается в чувашских материалах Г. Ф. Миллера, ср. <Schippüs> ‘Blafe’ < {*Schippür} наряду с правильным <Schipür> ‘Dudelfack’ (~ *š̃b̃b̃r, š̃b̃r̃r̃r̃* ‘пузырь; волынка’).

27. Перевернутая <u> в дополнительном списке

Так следует объяснять запись ²⁶<Alln> ‘Hand’ < {*Allu} (~ чув. *al̃*). А. П. Хузангай [Хузангай 2003: 3; Хузангай 2011] дает это слово сразу в форме Allu, не указывая, что это конъектура. О. Дурмуш, цитируя список Ф. И. Страленберга, данную запись вовсе не приводит, по-видимому, не догадываясь о ее существовании из-за неразличимости дополнительного списка в сегедском изда-

нии [Durmuş 2014: 26, 89]. Случай <Alln> находит параллель в записи¹⁸ <Sack> ‘Bauck <{*Banck}>’, где с ошибкой опубликовано уже немецкое слово. Понятны трудности Б. Мункачи в отождествлении <Sack> (~ sak ‘скамья’) с каким-либо известным чувашским словом [Munkácsi 1887: 27]. Значение ‘Bauck’ он интерпретировал как нем. Bauch ‘живот’ и, не найдя похожего слова с такой же семантикой в чувашском, был вынужден сопроводить <Sack> только чувашским *xir̄̄m* ‘живот’ и знаком вопроса. Данная ошибка возникла, наверное, уже при печати книги: в обоих случаях речь идет о словах из дополнительного списка, расположенного поперек основного текста, с чем и могут быть связаны трудности с ориентацией типографской литеры. Речь идет именно о перевернутой <u>, а не <n>, поскольку в шрифте книги Ф. И. Страленберга эти два символа явно отличаются.

Та же ошибка встречается и за пределами чувашской части материалов Ф. И. Страленберга, ср. мар. <Oetzin> ‘Vater = отец’. Правдоподобна точка зрения О. А. Сергеева [Сергеев 2021: 116], согласно которому это слово (приводимое им уже в варианте <Oetziu>) было заимствовано Ф. И. Страленбергом из опубликованной Н. К. Витсеном молитвы «Отче наш» на марийском языке, где находим <uziu> ‘Vader’ [Сергеев 2021: 116].

28. Проблема фонетического значения <Gi->

В записи²⁷ <Giëra> ‘Hertz’ проблематична орфография анлауга. В. В. Напольских [Напольских 2018: 466–467], обсуждая предложенное Т. И. Тепляшиной [Тепляшина 1965: 27] чтение одной из форм в удмуртском словнике, отвергает интерпретацию сочетания <Gi-> как способа передачи звонкой аффрикаты, усматривая в нем отражение *j*-перед узким гласным. Орфограмма с таким фонетическим значением, действительно, встречается и в старочувашских памятниках, правда, кириллических. В Словаре П. С. Палласа на месте ожидаемого *j*- в позиции перед узким в части случаев выписывается сочетание <ги-> [Савельев 2014: 103]. Однако в чувашском словнике Ф. И. Страленберга соответствие <Giëra> литературному *çäre* ‘сердце’ (и так же — во всех диалектах) с неизбежностью указывает как раз на употребление <Gi-> в значении аффрикаты. Не ясна только отражаемая звонкость: воз-

можно, в качестве исключения здесь передается хорошо известное чувашскому языку фразовое озвончение, т. е. документируется форма типа [=žr̄ä], извлеченная из синтагмы, в которой предшествующее слово оканчивалось на гласный или сонант.

Отчасти сходная орфограмма, а именно обозначение звонкой аффрикаты при помощи сочетания <Dgi->, встречается в сибирско-татарском словнике: <Dgirt> ‘Erde’ (~ тат. *žir*). Сочетание <Gi-> в этом списке также употребительно, но обозначает оно скорее йот, ср. <Gius> ‘Hundert’ ~ тат. *jöz*.

29. Выписывание ауслатного <-d>

Случай²⁸ <Ziurd> ‘Hauls’ (~ чув. *šo/urt*). По-видимому, речь идет о чисто орфографическом приеме; в фонетическом прототипе следует восстанавливать [-rt]. В параллельных словниках Ф. И. Страленберга это сочетание может записываться и как <-rt>, и как <-rd>, ср. сиб.-тат. <Dort> ‘vier’ (~ тат. *dürt*), як. <Türd> ‘vier’ (~ *tüört*). Выписывание <-d>, наряду с <-t>, на месте ожидаемого чув. *-t* встречается в словнике Г. Ф. Миллера: <Wod> ‘Feuer’ (~ *vo*), <Chod> ‘Papier’ (~ *xot*), <Ss{*ü}d> ‘Milch’ (~ *sə^ot*).

30. Сконструированная форма <Thor>

О. Дурмуш, опираясь на работу [Сергеев 2004: 4], цитирует данное слово как <Tora> [Durmuş 2009: 506, 512–513; Durmuş 2014: 26, 352], что не верно. Запись²⁹ <Thor> ‘Gott’ отражает реальную чувашскую форму *Tor(ь)* ‘Бог’, однако по общим правилам орфографии Ф. И. Страленберга в этом случае ожидалось бы написание типа <Тогг>. Выписывание <Th-> вместо <Т-> и одинарного <-г> вместо ожидаемого двойного (см. п. 3) связано, по-видимому, с подчиненностью орфографии данного слова компаративистским идеям Ф. И. Страленберга, а именно его стремлению показать тождество имен чувашского бога *Tor(ь)* и скандинавского бога Тора. В немецкой орфографии имя последнего записывается именно как <Thor>. В целом в словниках Ф. И. Страленберга <th> в значении *t* встречается, но лишь изредка. Похоже звучащие термины для ‘Бога’ в мансийском («вогульском») и хантыйском («остячком») списках тоже записываются с сочетанием (<Thor> и <Thorum>, соответственно).

В чувашских материалах Г. Ф. Миллера чув. *Tor(ь)* отражается как <Thora>, т. е. опять же с <Th->, и напрямую отождествляется с «Тором древних готов» («der Thor der

alten Gothen») [Müller 1759: 344]. Выписывание <th> на месте чув. *t* в его словнике почти не встречается, так что и в данном случае следует говорить о своеобразном применении этимологического принципа в ранней чувашской орфографии.

Диалектная основа чувашских материалов Ф. И. Страленберга

Проведенный анализ создает почву для обсуждения диалектной принадлежности чувашских записей Ф. И. Страленберга. Серьезную проблему составляет, однако, не только крайне ограниченный объем языкового материала, но и невыраженность в нем каких-либо инновативных изоглосс. Между тем задача диалектной атрибуции старописьменных памятников должна решаться, прежде всего, именно на основании фонетических и морфологических инноваций: при опоре на архаизмы возможна ситуация, когда из числа претендентов на роль диалекта-основы памятника неоправданно исключается некоторый говор, в XVIII в. еще сохранявший архаичное состояние, а затем прошедший через перестройку системы [Савельев 2021: 86].

В таких обстоятельствах можно лишь рассчитывать, что по крайней мере некоторые из инноваций, противопоставивших два основных чувашских диалекта — верховой и низовой, уже проявились к началу XVIII в. При таком допущении архаизмы, отраженные в материале Ф. И. Страленберга, также могут привлекаться к решению проблемы диалектной атрибуции, однако вопрос о возможном диагностическом значении должен решаться индивидуально для каждого конкретного признака. Потенциально такое значение может быть присвоено трем фонетическим особенностям рассматриваемого языкового материала.

Во-первых, это сохранение в диалекте словника этимологически огубленных редуцированных гласных (пп. 10, 18 «Филологического комментария»). Как обычно считается, данный архаизм характеризует верховой и средненизовой диалекты, в то время как в северо-западном и низовом произошло совпадение старых огубленных и неогубленных редуцированных в нелабIALIZED варианте. Однако данные Словаря П. С. Палласа показывают, что в последней четверти XVIII в. огубленные редуцированные в низовом чувашском еще сохранялись [Савельев 2014: 162, 235–238].

Следовательно, ценность этого признака для диалектной атрибуции памятника начала того же века оказывается очень сомнительной.

Во-вторых, важным с точки зрения диахронии чувашских диалектов может быть сохранение в говоре-основе памятника конечного редуцированного в исторически многосложных основах вида *CVTƏRƏ* (где *T* представляет шумный согласный, а *R* — плавный сонант). У Ф. И. Страленберга эта изоглосса отражается в записях ²¹<Kukru> ‘Bruft’, ²³<Sukru> ‘Brod’, что соответствует чувашским диалектным формам *kʷ°krʷ°* ‘грудь’, *śʷ°krʷ°* ‘хлеб’ при значительно более распространенных вариантах *kʷ°gʷ°r*, *śʷ°gʷ°r*. В форме с конечным редуцированным данные основы очень распространены в старописьменных памятниках XVIII–XIX вв. [Durmuş 2014: 177, 299; Савельев 2021: 80], а на современной диалектной карте эти «реликтовые», по формулировке [Сергеев 2007: 107], варианты отмечаются в так называемых «островных» говорах саратовских и ульяновских чувашей (отражающих ряд верховых особенностей), а также у приуральских чувашей. Разбросанность подобных форм по перифериям чувашского ареала, с одной стороны, подчеркивает архаичность данной изоглоссы, а с другой — делает невозможным ее соотнесение с какой-то конкретной группой говоров. Следовательно, и этот признак не может быть использован для географической локализации «говора Ф. И. Страленберга».

Наконец, многие формы в рассматриваемом словнике указывают на сохранение в его диалекте «общечувашского» **o* (см. п. 12 в «Филологическом комментарии»). Эта изоглосса может указывать на верховой, северо-западный (малокарачкинский) или средненизовой диалект; в низовых говорах переход **o > u*, скорее всего, уже завершился к началу XVIII в. По крайней мере, в 1780-х гг. это развитие документируется в Словаре П. С. Палласа [Савельев 2014: 133–136]; возможно, данные такого типа изредка отражаются и в более ранней (1769 г.) грамматике чувашского языка. Свидетельства в пользу возможной документации в словнике Ф. И. Страленберга «укающих» форм низового типа неубедительны: на десяток примеров с явным «оканьем» приходится лишь один случай с <u>, и еще в двух случаях о низовой огласовке можно вести речь только при введении соответствующих конъектур.

Ввиду такого соотношения «укающими» формами следует пренебречь, считая их ненадежными, а язык памятника — «окающим».

Таким образом, собственно лингвистические данные лишь в незначительной степени позволяют сузить ареал, в пределах которого мог находиться говор-основа словника Ф. И. Страленберга. Однако остается возможность сопоставления этих результатов с экстралингвистическими свидетельствами. Как было сказано выше, наиболее вероятно, что список Ф. И. Страленберга был собран в 1711 г. на пути следования колонны пленных в Сибирь, а населенная чувашами часть этого маршрута ограничивалась районами под Козьмодемьянском и Чебоксарами. В терминах диалектологической карты речь идет, соответственно, об ареалах северо-западного диалекта и северных говоров верхового диалекта чувашского языка. Первый вариант можно исключить, поскольку северо-западный диалект характеризуется крайним своеобразием, и невероятно, чтобы, будучи задокументированным, он вовсе не проявил эти особенности в лексической выборке Ф. И. Страленберга. Следовательно, материал словника следует связывать с верховым диалектом — и облик записанных слов такой атрибуции, по крайней мере, не противоречит. Если же исходить из имеющихся сведений о длительном пребывании колонны в Чебоксарах, то наиболее вероятно, что в словнике нашла отражение речь какого-то из чувашских сел неподалеку от города.

Сокращения

attr. — атрибутивная форма числительных
dat.-acc. — дательный-винительный падеж
subst. — субстантивная (счетная) форма числительных
верх. — верховой диалект чувашского языка
горн. — горное наречие марийского языка
мар. — марийский язык
нем. — немецкий язык
низ. — низовой диалект чувашского языка

Литература

Березкин, Дувакин — *Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам аналитического каталога (электронная и ежегодно обновляемая база данных) [электронный ресурс] // Рутения. Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=%2Fusr%2F>

Выводы

Анализ материалов Ф. И. Страленберга показывает, что данные первого чувашского словника не являются принципиально неинтерпретируемыми, что подспудно предполагалось многими исследователями старочувашских письменных памятников. Словник Ф. И. Страленберга, действительно, нередко отражает чувашский языковой материал в очень своеобразном виде, но в большинстве случаев возможно определить, чем это своеобразие обусловлено, и предложить правдоподобные конъектуры. Оказывается, что почти все трудности в интерпретации данного памятника объясняются либо использованием нетривиальных орфографических приемов (находящихся, однако, параллели в других словниках Ф. И. Страленберга и в других старочувашских памятниках XVIII в.), либо порчей записанных форм в период между первичной документацией и публикацией книги (чаще всего, как можно предполагать, в результате неверной интерпретации сходных по начертанию букв при переписывании). Лишь в единичных случаях формы Ф. И. Страленберга выглядят как изначально неточно отражавшие фонетику чувашского языка XVIII в. Сам языковой материал достаточно маловыразителен с точки зрения исторической диалектологии и может быть охарактеризован как в широком смысле верховой. Судя по экстралингвистическим свидетельствам, он был записан в районе Чебоксар и в таком случае мог отражать данные какого-то из говоров на севере верхового ареала.

ПТю — пратюрский язык

СЗ — северо-западное наречие марийского языка

сиб.-тат. — сибирско-татарский язык

тат. — (казанско-)татарский язык

удм. — удмуртский язык

уст. — устаревшее слово

фин. — финский язык

чув. — чувашский язык

як. — якутский язык

local%2Fwww%2Fdata%2Fberezkin&basename=%2Fdata\berezkin\berezkin&first=1 (дата обращения: 25.04.2022).

Егоров 1949 — *Егоров В. Г.* Чувашские словари XVIII века // Записки НИИЯЛИ при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1949. Вып. 2. С. 111–142.

Комиссаров 2003 — *Комиссаров Г. И.* Письменность на чувашском языке в XVIII веке // Комиссаров Г. И. О чувашах: исследова-

- ния, воспоминания, дневники, письма / сост. В. Г. Родионов. Чебоксары: Чуваш. ун-т, 2003. С. 312–337.
- Манастер Рамер, Бондарь 2018 — *Манастер Рамер А., Бондарь Л. Д.* Об авторстве «*Harmonia linguarum*», опубликованной Ф. И. Страленбергом // Миллеровские чтения – 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия. Мат-лы II Междунар. научн. конф. (г. Санкт-Петербург, 24–26 мая 2018 г.) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018. С. 395–427.
- Напольских 2018 — *Напольских В. В.* К вопросу о диалектной базе удмуртского словника Ф. И. фон Штраленберга // Напольских В. В. Очерки по этнической истории. Изд. 2-е, испр., дополн. Казань: Казанская недвижимость, 2018. С. 462–478.
- Новлянская 1966 — *Новлянская М. Г.* Филипп Иоганн Страленберг. М.; Л.: Наука, 1966. 95 с.
- Паллас 1787 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Ч. 1. СПб.: Тип. Шнора, 1787. 411 с.
- Паллас 1789 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Ч. 2. СПб.: Тип. Шнора, 1789. 491 с.
- Петров 1978 — *Петров Н. П.* Чăваш литературра чĕлхин историйĕ: Яковлевченхи тапхăр (= История чувашского литературного языка: дяковлевский период). Шупашкар: Чăваш патшалăх университетĕ, 1978. 109 с.
- Савельев 2014 — *Савельев А. В.* Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века (на материале Словаря Палласа): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014. 445 с.
- Савельев 2016 — *Савельев А. В.* Чувашский перевод одной проповеди середины XIX века // Урало-алтайские исследования. 2016. № 1(20). С. 68–104.
- Савельев 2018 — *Савельев А. В.* «Начертание...» В. П. Вишневого и язык чувашской письменности в первой половине XIX века // Урало-алтайские исследования. 2018. № 3(30). С. 62–81.
- Савельев 2021 — *Савельев А. В.* Старочувашский памятник с различением датива и аккузатива // Урало-алтайские исследования. 2021. № 1(40). С. 77–100.
- Сбоев 1850 — *Сбоев В. А.* Исследования об инородцах Казанской губернии. Ч. 1: Заметки о чувашах. Казань: Губ. тип., 1850. 272 с.
- Сергеев 2004 — *Сергеев Л. П.* XVIII ёмĕрти чăваш ăрулаĕхĕн палăкĕсем (= Памятники чувашской письменности XVIII века). Шупашкар: Чăваш патшалăх педагогика университетĕ, 2004. 102 с.
- Сергеев 2007 — *Сергеев Л. П.* Диалектная система чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2007. 428 с.
- Сергеев 2021 — *Сергеев О. А.* Язык памятников письменности марийского языка (конец XVII – XVIII вв.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. 422 с.
- Сочинения 1769 — Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. СПб.: Имп. Акад. наук, 1769. 68 с.
- Тепляшина 1965 — *Тепляшина Т. И.* Памятники удмуртской письменности XVIII века. (Выпуск первый.) М.: Институт языкознания АН СССР, 1965. 324 с.
- Хузангай 2003 — *Хузангай А. П.* Шведский «прибавочный элемент» в чувашской компаративистике // Взаимодействие урало-алтайских языков. Язык и культура: мат-лы междунар. конф. (г. Чебоксары, 4–6 октября 2001 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 3–14.
- Хузангай 2011 — *Хузангай А. П.* Страленберг // Чувашская энциклопедия. Т. 4. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 797 с.
- Durmuş 2009 — *Durmuş O.* Strahlenberg ve ilk Çuvaşça kelime listesi // Gazi Türkiyat Dergisi, 2009, Cilt 1, Sayı 5. S. 503–517.
- Durmuş 2014 — *Durmuş O.* 18. Yüzyıl Çuvaşçasının Söz Varlığı. Edirne: Paradigma Akademi Yayınları, 2014. VIII+553 s.
- Eren 1998 — *Eren H.* Türklük Bilimi Sözlüğü: I. Yabancı Türkologlar. Ankara: Türk Dil Kurumu, 1998. X+349+32 s.
- Hovdhaugen 1975 — *Hovdhaugen E.* The Phonemic System of early 18th Century Chuvash // Central Asiatic Journal. Vol. 19. No. 4. 1975. Pp. 274–286.
- Munkácsi 1887 — *Munkácsi B.* Csuvás Nyelvészeti Jegyzetek // Nyelvtudományi Közlemények (NyK). № 21 (1887). O. 1–44.
- Müller 1759 — *Müller G. F.* Nachricht von dreym im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwachen und Wotjaken [электронный ресурс] // Sammlung Russischer Geschichte. Band III, Stück IV. St. Petersburg: Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1759. 412 s.
- Strahlenberg 1730 — *Strahlenberg Ph. J. von.* Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm: In Verlegung des Autoris, 1730. 438 s.

References

- Berezkin Yu. E., Duvakin E. N. Thematic Classification and Areal Distribution of Folklore/ Mythological Motifs: An [Annually Updated]

Analytical Catalogue. On: Ruthenia. Folklore and Postfolklore: Structure, Typology, Semiotics. Available at: <https://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=%2Fusr%2Flocal%2F>

- www%2Fdata%2Fberezkin&basename=\data\berezkin\berezkin&first=1 (accessed: 25 April 2022). (In Russ.)
- Durmuş O. Strahlenberg and the first Chuvash wordlist. *Gazi Türkiyat Dergisi*. 2009. Vol. 1. No. 5. Pp. 503–517. (In Turk.)
- Durmuş O. The Eighteenth-Century Wordlist of Chuvash. Edirne: Paradigma Akademi, 2014. VIII+553 p. (In Chuv. and Turk.)
- Eren H. The Dictionary of Turkology. Vol. I: Foreign Turkologists. Ankara: Türk Dil Kurumu (Turkish Language Association), 1998. X+349+32 p. (In Turk.)
- Hovdhaugen E. The phonemic system of early 18th century Chuvash. *Central Asiatic Journal*. 1975. Vol. 19. No. 4. Pp. 274–286. (In Eng.)
- Khuzangai A. P. A Swedish ‘surplus element’ in Chuvash comparativistics. In: Uralic-Altai Language Interaction. Language and Culture. Conference proceedings (Cheboksary, 4–6 October 2001). Cheboksary: Chuvash State Institute for the Humanities, 2003. Pp. 3–14. (In Russ.)
- Khuzangai A. P. Strahlenberg. In: The Chuvash Encyclopedia. Vol. 4. Cheboksary: Chuvashia Book Publ., 2011. 797 p. (In Russ.)
- Komissarov G. I. Chuvash script in the 18th century. In: Komissarov G. I. About the Chuvash: Studies, Memoirs, Diaries, Correspondence. V. Rodionov (comp.). Cheboksary: Chuvash State University, 2003. Pp. 312–337. (In Russ.)
- Manaster R. A., Bondar L. D. About the authorship of “*Harmonia Linguarum*” published by Ph. J. Strahlenberg. In: Tunkina I. V. (ed.) Miller Readings — 2018: Consistency and Traditions in the Preservation and Investigation of Documented Academic Heritage. Conference proceedings (St. Petersburg, 24–26 May 2018). St. Petersburg: Renome, 2018. Pp. 395–427. (In Russ.)
- Müller G. F. Sammlung Russischer Geschichte. Vol. III. Part IV: Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen und Wotjaken. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1759. 412 p. (In Germ.)
- Munkácsi B. Notes on the Chuvash language. *Nyelvtudományi Közlemények (NyK)*. 1887. No. 21. Pp. 1–44. (In Turk.)
- Napolskikh V. V. Philip Johan von Strahlenberg’s wordlist of Udmurt: The dialect basis revisited. In: Napolskikh V. V. Essays on Ethnic History. 2nd ed., rev. and suppl. Kazan: Kazanskaya Nedvizhimost, 2018. Pp. 462–478. (In Russ.)
- Novlyanskaya M. G. Philip Johan von Strahlenberg. Moscow, Leningrad: Nauka, 1966. 95 p. (In Russ.)
- Pallas P. S. Comparative Dictionaries of All Languages and Dialects Collected Personally [by P. S. Pallas]. Part 1. St. Petersburg: Schnorr, 1787. 411 p. (In Russ.)
- Pallas P. S. Comparative Dictionaries of All Languages and Dialects Collected Personally [by P. S. Pallas]. Part 2. St. Petersburg: Schnorr, 1789. 491 p. (In Russ.)
- Petrov N. P. A History of Standard Chuvash: The Pre-Yakovlev Period. Cheboksary: Chuvash State University, 1978. 109 p. (In Chuv.)
- Savelyev A. V. A pre-standard Chuvash text with a dative-accusative distinction. *Ural-Altai Studies*. 2021. No. 1(40). Pp. 77–100. (In Russ.)
- Savelyev A. V. Dialect Features in Eighteenth-Century Old-Script Chuvash Texts: Pallas’s Dictionary Analyzed. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2014. 445 p. (In Russ.)
- Savelyev A. V. The Chuvash translation of one sermon of the mid-19th century. *Ural-Altai Studies*. 2016. No. 1(20). Pp. 68–104. (In Russ.)
- Savelyev A. V. Viktor Vishnevsky’s Načertaniye... and the language of Chuvash written culture in the early 19th century. *Ural-Altai Studies*. 2018. No. 3(30). Pp. 62–81. (In Russ.)
- Sboev V. A. Surveys of Non-Russian Ethnic Groups Inhabiting Kazan Governorate. Part 1: Notes on the Chuvash. Kazan: Kazan Governorate Press, 1850. 272 p. (In Russ.)
- Sergeev L. P. Chuvash Dialect System. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University, 2007. 428 p. (In Russ.)
- Sergeev L. P. Eighteenth-Century Chuvash Written Monuments. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University, 2004. 102 p. (In Chuv.)
- Sergeev O. A. The Language of Mari Written Monuments: Late 17th – 18th Centuries. Yoshkar-Ola: Mari Institute for the Study of Language, Literature and History, 2021. 422 p. (In Russ.)
- Strahlenberg Ph. J. von. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm: Autoris, 1730. 438 p. (In Germ.)
- Tepliyashina T. I. Eighteenth-Century Udmurt Written Monuments. Vol. 1. Moscow: Institute of Linguistics (USSR Academy of Sciences), 1965. 324 p. (In Russ.)
- Writings on Chuvash Grammar. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1769. 68 p. (In Russ.)
- Yegorov V. G. Eighteenth-century Chuvash dictionaries. In: Notes by the [Republican] Institute for the Study of Language, Literature and History (Chuvash ASSR Council of Ministers). Cheboksary, 1949. Vol. 2. Pp. 111–142. (In Russ.)

